

У КАРТЫ ТИХОГО ОКЕАНА

Информационно-аналитический бюллетень №43 (241)

Перестройка: 30 лет спустя.
Трансформация идеологии и практики
государственной службы
(По материалам круглого стола)

Отдел социально-политических исследований
ИИАЭ ДВО РАН

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН продолжает выпуск информационно-аналитического бюллетеня «У карты Тихого океана».

Бюллетень издавался с 1974 по 1991 г.

Цель издания: научно-информационное обеспечение мероприятий правительства РФ и региональных властей Дальнего Востока по интеграции России в АТР.

Структура, периодичность выхода и содержание бюллетеня меняются в зависимости от насыщенности, значимости и направленности текущих событий в регионе.

Главными принципами подбора и публикации материалов в бюллетене являются:

- оперативность в освещении событий;
- достоверность информации;
- ориентация не на описание прошедших событий, а на оценку их влияния на будущее и прогноз развития ситуации;
- практическая значимость.

Бюллетень распространяется по подписке в бумажном и электронном вариантах. С электронной версией издания можно ознакомиться на сайте <http://www.ihaefe.org>

При использовании материалов бюллетеня ссылка на него обязательна.

ISSN 2304-4586 (Print)

ISSN 2304-4632 (Online)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В.Л. Ларин (главный редактор), А.С. Ващук, А.П. Герасименко, С.Г. Коваленко, Е.Н. Чернолуцкая, А.Е. Савченко (ответственный секретарь)

Содержание

Предисловие	4
А.С. Ващук. Социальная ответственность власти в условиях реформ и реализации модернизационных проектов	6
А.П. Коняхина. Власть и реформы: взгляд из дальневосточной глубинки (1985–2015 гг.)	12
А.В. Поповкин. Трансформация идеологии управления в России (от советской к современной модели)	19
С.Г. Коваленко. Институциональная матрица России и неформальные управленческие практики	23
Дискуссия	26

Предисловие

6–7 октября 2015 г. в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН состоялась научная конференция «Перестройка и российские регионы: 30 лет спустя». В рамках конференции прошёл круглый стол «Перестройка 30 лет спустя. Трансформация идеологии и практики государственной службы». Перед участниками круглого стола стояло две задачи.

Первая: донести до представителей органов власти реакцию общества на произошедшие изменения в организации и деятельности государственной службы. В рамках постановочного сообщения А.С. Ващук для дискуссии была предложена проблема рефлексии научного сообщества на проведённые реформы, в частности потенциала концепта социальной ответственности власти в условиях разработки модернизационных проектов на Дальнем Востоке. На обсуждение был также вынесен вопрос о культурных и ментальных переменах в обществе, определяющих, по мнению докладчика (А.П. Коняхина), успех или провал программ социального переустройства. Специфика двух этих докладов состоит в том, что они основаны на полевых материалах, серьёзно дополняющих информационный ресурс государственной статистики.

Вторая задача состояла в том, чтобы проанализировать общие тенденции изменений в деятельности государственной службы и «болевы́е точки», возникшие в ходе формирования новой идеологии и реформирования структур с учётом дальневосточных практик. Постановка и решение этой проблемы предложена в двух докладах: А.В. Поповкина «Трансформация идеологии управления в России (от советской к современной модели)» и С.Г. Коваленко «Институциональная матрица России и неформальные управленческие практики».

В докладах с различных мировоззренческих и методологических позиций проанализированы исторические и современные процессы в государственной службе Российской Федерации, в том числе и взаимодействие чиновничества и нарождающегося гражданского общества.

В дискуссии приняли участие представители различных слоёв общества: учёные, общественные деятели, учителя, преподаватели вузов. Большой интерес к работе круглого стола проявил депутат Думы г. Владивостока Юртаев Александр Григорьевич, предложив меры по развитию гражданских инициатив. Спектр заданных вопросов, а также

содержание выступлений присутствующих показывают остроту реалий, концентрирующихся в поле взаимоотношений управленцев и местного сообщества, требующих взаимных усилий для укрепления социальной стабильности.

Модератор круглого стола В.Л. Ларин,
д-р ист. наук, профессор, директор
Института истории, археологии и
этнографии ДВО РАН

Добрый день, уважаемые коллеги, уважаемые гости. Начинаем нашу встречу. Мы благодарны всем, кто откликнулся на наш призыв поучаствовать в данном мероприятии. Правда, представители власти, кроме Александра Григорьевича Юртаева, проигнорировали нас, но я думаю, что это не мешает нам плодотворно работать. Слово для доклада предоставляется Ангелине Сергеевне Ващук.

Социальная ответственность власти в условиях реформ и реализации модернизационных проектов

Ангелина Сергеевна ВАЩУК,

д-р. ист. наук, профессор, зав. отделом
социально-политических исследований
ИИАЭ ДВО РАН

Уважаемые коллеги и гости! Предлагаю в рамках тематики круглого стола выделить проблему социальной ответственности власти в условиях реформ и позволю несколько слов сказать о том, какие существуют научные подходы к понятию «социальная ответственность». И как его понимаем мы, историки.

Понятие «социальной ответственности» в современной науке. Ответственность в деятельности государства как категория социальных наук известна давно. Однако она была очень мало востребована как со стороны российских учёных, так со стороны практиков. Как дефиниция она практически не употреблялась. Отечественные гуманитарии предпочитали оперировать категорией «социальная политика и её результаты».

Поскольку круглый стол посвящён обсуждению вопросов управления, теме госслужбы, корректно вести речь о социальной ответственности власти государственного уровня. На наш взгляд, появление самого понятия «социальной ответственности» в экспертном сообществе — это, с одной стороны, определённый поиск гуманитариями методологии изучения результатов проводимых реформ в России, а с другой — ответ учёных на запрос общества об ответственности власти в условиях общественной трансформации.

подавляющая часть исследователей считает, что проявление социальной ответственности можно рассматривать как одну из форм

отношений власти и общества, правда, некоторые из них видят только теоретический конструкт. Принимая общий тезис, надо особо подчеркнуть и момент ответственности самого учёного: поскольку на его исследовательском пути есть важнейшая нравственная обязанность, нельзя переходить тонкую грань, отделяющую научный анализ от идеологических позиций, когда легко можно скатиться к элементарной критике социальных последствий реформ, в том числе административных.

На взгляд историка, «социальная ответственность» в самом широком понимании — это специфический и многомерный инструмент в руках власти, с помощью которого она может контролировать взаимозависимость субъектов системы. Формы социальной ответственности в мировой практике различные: дисциплинарная, административная, уголовная, гражданско-правовая, морально-этическая.

Сегодня вопрос о социальной ответственности власти в России осознается на высшем политическом уровне. И это постоянно звучит из уст президента. Его социальная ответственность проявляется в действиях по осуществлению контроля над институтом губернаторства и аппаратом чиновничества. Вопрос о социальной ответственности власти в современной литературе часто рассматривается в формате конституционного права и в контексте анализа соблюдения органами власти основного закона России — Конституции.

С формально-логической точки зрения, может кому-то из коллег покажется, что отдельная постановка вопроса о социальной ответственности власти звучит как нонсенс, поскольку по самой своей природе государственная власть является официальным представителем всего общества, а вся профессиональная деятельность государственных служащих, в качестве таковых, должна быть нацелена исключительно на удовлетворение общественных (социальных) потребностей. Но, когда мы ведём речь о социальной ответственности, то имеем в виду, конечно, конкретный аппарат. Историки всегда имеют дело с конкретикой. Другое дело, что ответственность является персонифицированной. Государственная власть определяет свою ответственность через юридические параметры.

В России активно развивается социология управления, в рамках которой понятию социальной ответственности уделяется весьма большое внимание. В данном случае ответственность рассматривается как а) обязательство исполнения особых задач, которыми наделяются подчинённые, б) обязанность давать кому-либо отчёт в своих действиях, поступках. То есть, исследуя вопрос социальной ответственности в рамках теории управления, эксперты преимущественно говорят о технологии власти.

Таким образом, где есть обязанности, там и должна быть ответственность за их неисполнение, либо ненадлежащее исполнение.

При рассмотрении социальной ответственности в период реформ, мы исходим из трёх позиций: а) основной критерий изучаемого феномена — анализ результатов реформ или конкретных модернизационных проектов с точки зрения интересов большинства населения; б) цена достижения реформ; в) учёт конкретной исторической ситуации.

В совокупности все высказанные предварительные суждения, ведут нас к мысли, что в основе синтезированного критерия социальной ответственности власти в период реформ может выступать такая степень имущественно-доходной дифференциации в обществе, которая удерживает его от острых социальных конфликтов и общественной дестабилизации, т.е. обеспечивается доверие большинства к власти. На этом я завершаю первую часть и перехожу ко второй.

Результаты исследования. Своеобразие современной познавательной ситуации состоит в том, что мы вышли на проблему, изучая исторический процесс в рамках научной программы «Трансформация общества и власти» и конкретного проекта «Социальные трансформации и процессы модернизации на юге Дальнего Востока в 1985—2012 гг.». В научной программе отдела специальной задачи изучить социальную ответственность власти не ставилось. Однако этот аспект актуализировался во многих полученных нами источниках. Так, в глубинных интервью и в ответах анкеты на вопрос «Как Вы оцениваете преобразования в стране в период 1985—1990-х гг.?» были получены результаты, позволяющие сделать некоторые выводы.

Первый вывод. Руководители администраций многих малых городов и сельских поселений, предприниматели, особенно фермеры, связывают скромные результаты модернизации в регионе с низкой степенью социальной ответственности государства. Почти во всех интервью (у нас их около 80) речь идёт о необходимости повышения эффективности государственного управления и ответственности федеральных органов власти, а также органов власти дальневосточных субъектов Российской Федерации. Приведу лишь некоторые из ответов: «Стыдно сказать, в школах крыши перекрыли за счёт газовщиков, но скоро газовщики закончат работу, а что дальше?» (Спасский район, 2012 г., глава поселения). «Мне кажется, что у нас государство вообще самоустранилось от всех процессов. Какая модернизация? Шувалов приезжает открывать поликлинику. В советское время приезжали открывать только наиболее важные заводы. Это было событием... Мы фактически потеряли лес и рыбу. А почему? Нет государственной политики. Каждый думает о своих интересах» (Арсеньев, 2013 г.).

Второй вывод. Слабое звено в проявлении социальной ответственности власти — это налоговая сфера. «Главная проблема на пути развития предприятия — нет стабильности. В связи с вступлением в Таможенный союз предприятиям стали предъявлять более высокие требования. За нарушение — штрафы (до 500 тыс. руб.). Нужна более стабильная налоговая политика, фиксированные налоги. Это может решить только государство» (Кавалерово, 2013, предприниматель).

Третий вывод. В дальневосточном сообществе доминируют представления, когда социальная ответственность органов власти упоминается в тесной связке с элементами патернализма: «Убрать все глупости из внутригосударственной политики. Все деньги сейчас крутятся в бюджете. На электронных торгах главное — цены. Кто выставит более низкую, тот и победит. Мы проигрываем при таком подходе изначально. Практика долгосрочных договоров ушла в прошлое. Государство должно её вернуть» (Кавалеровский район, 2013, предприниматель-строитель).

В развёрнутых ответах респондентов и дополнительных комментариях к анкетам присутствуют мнения о современном состоянии аппарата госслужащих. В основном оно прослеживается через предложения с этически-нравственной точки зрения: типа «Государство должно выстроить такие правовые нормы, которые не позволили бы входить во власть людям с черным прошлым» (Сахалинская область, 2013, предприниматель).

Или: «Власти ничего не надо. Впервые за 25 лет в этом году не посажены цветы. За 20 лет так и не сложилось настоящей партии, общество инертно. Сейчас фактически однопартийная система, идёт подлог, власть блокирует оппозицию» (Арсеньев, 2013, предприниматель).

Следующий вопрос анкеты «Что, по Вашему мнению, должно определять действия руководства города (посёлка)?» — это, по сути, вопрос о социальном контроле и ответственности.

		2013	2014
1	Контроль вышестоящего руководства (губернатора, президента)	20	23
2	Контроль депутатов города (посёлка)	24	17
3	Контроль граждан, общественных организаций	17	13
4	Более тесное сотрудничество власти, общественных организаций и жителей	62	50

Повышение эффективности руководства городом или поселением жители юга Дальнего Востока связывают с формированием гражданского общества, но это проекция в будущее. В тоже время население, по-прежнему, возлагает ответственность на институт губернаторства. В меньшей степени дальневосточники доверяют органам представительной власти, и соответственно меньше спрашивают с них. По нашему мнению, такая тенденция напрямую связана с процедурой избрания депутатов. Суть общественного мнения можно выразить формулой: «хотя во власть люди идут добровольно, но выполнять свои функции они должны под воздействием и контролем общества».

Анализ совокупности выявленных нами объективных и субъективных источников показывает, что трансформация институтов власти привела к их децентрализации управления регионом, а также к торжеству социальной политики либерального типа, но в разных слоях общества до сих пор присутствуют ориентации на сильную роль государства при регулировании социальных проблем. Параллельно в российском обществе произошло усиление трёх социальных групп: олигархов, бюрократии и предпринимателей, хотя два последних слоя очень стратифицированы. Возникшая новая социальная структура ведёт к необходимости более гибких и оперативных форм социальной ответственности публичной власти и требует соответствующего ответа власти в сфере регулирования социальных отношений, на вызов сложившейся структуры, в том числе повышения нравственных начал в госслужбе.

В экспертном взгляде представителя исторической науки заключение строится на оценке какого-либо действия власти или новых проектов, и преимущественно воспринимается нами через призму их последствий. Заметим, что для историка достаточно сложно дать оценку социальной ответственности с учётом первоначального «намерения» конкретного участника, нужны очень большие научные силы и специальные исследования. Но рассуждая на институциональном уровне, вполне возможно участвовать в дискуссии. И в этом контексте предлагаем обратиться к проблеме социальной ответственности власти за развитие Дальнего Востока. В качестве примеров возьмём проекты, из которых один уже реализуется, а второй выступает как прожект будущего.

Известен проект «Транспортный коридор Приморье-2», который является частью федеральной программы по развитию транспорта, а также программы субъекта федерации по социально-экономическому развитию Приморского края. Вместе с А.П. Коняхиной мы провели предварительный анализ социального развития Хасанского района, учитывая реализации этого

проекта. Сама модель «транзита», широко используемая в международной практике, принесла всё-таки некоторые дивиденды населению региона (в части доставки грузов, в сфере занятости, участия компаний в формировании бюджетов и частично — в обустройстве социально-бытовой инфраструктуры). Этот проект позволил «подняться» и мелким предпринимателям Приморского края. Но для большей части населения Хасанского района на этапе 2010—2014 гг. реализация идеи транспортного коридора не стала прорывом или крутым поворотом. Кроме того, рассогласованность интересов и отсутствие единства в понимании различными субъектами (государством, бизнесом, местным сообществом) модернизации как общего блага привело к обострению ранее скрытых и появлению новых конфликтов на территории. Данный опыт показывает, что зачастую модернизационные проекты не содержат глубоких проработок социальных результатов и, соответственно, дают ограниченный эффект для большей части населения территории, что является также показателем невысокой социальной ответственности власти. В этой связи позволим себе упомянуть сюжет о будущем Дальнего Востока, который власть связывает с реализацией Федерального закона о ТОРах, требующего специального изучения на предмет социальной ответственности. Конечно, он содержит статьи, посвящённые формированию социальной ответственности исполнительной власти, но есть и другие — наводящие историка на не совсем оптимистический прогноз развития человеческого капитала в регионе.

В заключение можно заметить, что в целом нам трудно согласиться с исследователями, категорически утверждающим, что социальная ответственность — это скорее теоретическая конструкция, чем реалии в России. В российском обществе существует необходимость и запрос повышать социальную ответственность власти. Исторический опыт свидетельствует о том, что власть и ответственность должны быть неразрывно связаны, в период реформ эта связь нарушается.

Власть и реформы: взгляд из дальневосточной глубинки (1985—2015 гг.)

Анастасия Петровна КОНЯХИНА,
м.н.с. отдела социально-политических
исследований ИИАЭ ДВО РАН

Радикальный характер инициированных в середине 1980-х гг. реформ в СССР и их социальные последствия до сих пор определяют повседневный мир тех, для кого перестройка стала частью личной биографии. Опыт её проживания в контексте «большой» истории даёт уникальный материал для анализа мягких переменных (культурные, ментальные характеристики), определяющих успех или провал программ социального переустройства.

Данный доклад — результат исследования социальной реальности дальневосточной глубинки в период трансформаций 1985—2015 гг. Мы сосредоточимся на двух основных аспектах. Во-первых, на отношении людей к модернизационным проектам (советскому и современному вариантам) и в целом власти как их проводнику. И, во-вторых, на связанных с этим отношением стратегиях поведения в сферах частного и публичного. Используются полевые материалы (Приморский и Хабаровский края, Сахалинская и Амурская области, 2012—2014 гг.), в частности, глубинные интервью с местными жителями.

Для начала принципиально отметить, что в ретроспективном взгляде наших собеседников на перестройку этот исторический период оказался не обособляемым, обнаружилось его слияние с последующим 10-15-20-летием. А причины реформ и провозглашённые задачи, выпав из памяти и сознания людей, так и не были в большинстве своём ими отрефлексированы и проговорены¹. Это вело к тому, что любая официальная риторика об очередном модернизационном «рывке» воспринималась как белый шум, сводя на нет попытки мобилизации под старыми и новыми лозунгами.

Перестройка воспринималась прежде всего как крах привычного социального и институционального порядка. И вне зависимости от того, положительно или отрицательно оценивались позже людьми перемены, она стала фундаментальным событием-травмой, когда прежние культурные установки и привычный уклад жизни входили в противоречие со стремительно обновлявшимися ценностями, нормами, окружающей действительностью. «В советские времена мы привыкли, что кто-то возьмёт

¹ См.: Бляхер Л. Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток. М.: Издательство «Европа», 2014. С. 114—115.; Савченко А.Е. Российская провинция: от перестройки – к... // Полития. 2014. №3. С.110.

знамя, кто-то пойдёт, а мы, конечно, будем идти следом за этими знамёнами. А тут всё: и знамени нет, и знаменосца нет. И куда идти... И народ оказался брошенным на произвол судьбы» (Архив отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН (АОСПИ). Интервью с У. (м., фермер, ок. 65 лет) Сахалинская область, с. Ольховка. 2013. 18 июля). «Просто всё в один момент рухнуло. Всё, во что мы так верили, вдруг перестало существовать» (АОСПИ. Соч. 28, м., 1948 г.р., Южно-Сахалинск). Такие дезориентация и деморализация усиливались на фоне экономической нестабильности и «ухода» государства как держателя социальных обязательств.

Применение различных тактик выживания (как свойственные традиционному обществу способы поддержания существования, так и новые, связанные с поиском альтернатив в неформальной, непрофильной или теневой сферах, с использованием преимуществ своего регионального положения) на каждом этапе фиксировало положение, при котором обычный человек учился обходиться без государства, без его опеки и контроля. Если в 1989 г. только 8% населения полагало, что «государство нам даёт так мало, что мы ему ничем не обязаны», то спустя 20 лет число считающих так увеличилось до одной трети (АОСПИ. Соч. 28, м., 1948 г.р., г. Южно-Сахалинск). Это значительный слой людей, для которых альтернативы в достижении благ находились уже вне области официальных коммуникаций.

Сегодня самыми значительными для населения изменениями, произошедшими в годы перестройки, по-прежнему остаются возможность выезжать за рубеж (Левада-центр: колебания от 34 до 41% в 2010—2015 гг.) и свободно высказываться (32—40%)². Как несомненная завоёванная ценность, определявшая отношение к власти и её мероприятиям, рассматривалось и право на взгляд и действия, альтернативные официальным. Директор хлебозавода: «Приехали с области [чиновники — прим. А.К.] мне руки ломать... Чего вы меня пугаете? Это моя фирма. Я вот захочу завтра сам закрою всё...» (АОСПИ. Интервью с П. (м., предприниматель, ок. 50 лет). Сахалинская область, г. Шахтерск. 2013. 18 июля). Ещё женщина-предприниматель: «Ну что мне сделают?!.. Налоговые проверки? У меня бухгалтерская компания. Неужели мы себя не защитим? А что ещё?! Стрелять закончили, слава богу...» (АОСПИ. Интервью с О. (ж., предприниматель, ок. 55 лет). Хабаровский край, г. Хабаровск. 2014. Июнь). Рост самоуважения, в свою очередь, вёл к расширению границ частного («моё дело», «мой бизнес»), «мой посёлок»), когда обустроенная своими

² Роль перестройки в истории страны. Пресс-выпуск. 22.04.2015. URL: <http://www.levada.ru/22-04-2015/rol-perestroiki-v-istorii-strany> (дата обращения: 17.08.2015).

руками комфортная среда вытесняла/заполняла «пустое» пространство государственного.

В 2009 г. президент РФ Д. Медведев публично заявил о повороте к модернизационной государственной стратегии. Его риторика о шансах на развитие страны демократическим путём через «сближение интересов личности, общества и государства»³ напомнила реформы второй половины 1980-х гг., получив неофициальное название «Перестройка-2». В том же году была принята и «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года», в которой ускоренное развитие на инновационной основе обозначалось необходимым условием экономического и геополитического прорыва России в АТР.

Мы исходили из того, что успех самого совершенного проекта не гарантирован, если он не опирается на потребности элит, ожидания населения и на способность власти его осуществить. Но 2000-е гг., по мнению исследователей, показали пример непоследовательности реформаторских шагов и непредсказуемости их результатов именно вследствие опоры на незаинтересованную в переменах высшую бюрократию⁴.

Что касается непосредственно оценок жителей периферии, то мы сразу же столкнулись с отсутствием ясных толкований понятия «модернизации». Оно не укоренилось в словаре чиновников местного уровня, не было предметом общественной рефлексии. Являясь повесткой дня для федеральной власти, её внутривластной стратегией, для населения «модернизация» стала «ритуализированным» (А. Аузан) воплощением представлений о нормальной жизни, запрос на которую всё так же актуален.

В интервью «считывалась» прежде всего её технологическая составляющая как возможность обновления производственных мощностей действующих предприятий, ветшающей инфраструктуры городов и посёлков (дороги, мосты, жильё, системы освещения и водоснабжения, газификация). Федеральная власть рассматривалась здесь как главный субъект изменений, который предлагает своё видение и распоряжается финансовыми потоками. Для местной власти и бизнеса очевидным было желание «встроиться» в процесс для решения, прежде всего, своих тактических, насущных задач.

³ Дмитрий Медведев: Россия, вперед! 10.09.2009. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml (дата обращения: 12.05.2015).

⁴ Гельман В.Я., Стародубцев А.В. Возможности и ограничения авторитарной модернизации: российские реформы 2000-х годов // Полития. 2014. №3. С.25.

Сотрудники органов местного самоуправления (как и население в целом) не владели необходимой информацией о намерениях центральной власти и не распознавали сути её деклараций, не могли оценить последствия декларируемых нововведений («территории опережающего развития» (ТОР), «Свободный порт» и т.д.). Как заметил сотрудник одной из местных администраций, сказалось и увеличение потока «серой», бесполезной информации. Исключённые из системы принятия решений, не располагая рычагами влияния, они сосредотачивались на текущей ситуации: «...в плане общей картины, я как бы таких перспектив не ставлю, не вижу... Планирование... маленькими отрезочками» (АОСПИ. Интервью с Д. Сахалинская область, г. Углегорск. 2013. 16 июля); «...нужна вообще стратегия, что мы хотим иметь от этого Дальнего Востока, а уже потом... по ступенькам...» (АОСПИ. Интервью с У. Сахалинская область, с. Ольховка. 2013. 18 июля).

Сегодня можно увидеть, что по одну сторону расположились территории, вовлечённые в процессы такой «точечной» модернизации (участие в нацпроектах, программах, адресная господдержка) и получившие таким образом импульс к развитию, по другую — не вписавшиеся в контекст аутсайдеры, балансирующие в отсутствие ресурсов на грани выживания.

Разработка унифицированных для всех регионов и муниципалитетов программ развития, единых критериев оценки результатов деятельности администраций представляла, опять же, действием по большей части ритуальным, осуществляемым вне коммуникаций. Предзаданный характер процесса (вручение «сверху») определял его известную формализацию, и лишь сам исполнитель (чиновник) мог сделать его осмысленным, адаптировав под текущие намерения и установки⁵. С точки зрения последнего, адекватное восприятие государственных проектов, «проявление мудрости» по отношению к ним — это не сотрясать возражениями воздух («Законы, которые пишутся... они неприменимы в принципе в жизни, они не работают»), а приспособливаться. «Мы ж тоже понимаем, что раз задача поставлена [речь о «майских указах» президента — прим. А.К.]... значит, есть какие-то причины»; «мне такую задачу, как тебе [имеются в виду региональные власти — прим. А.К.], не ставили... Ты хочешь эту задачу выполнить через меня... Ну, давай, если хочешь договориться — давай

⁵ Н. Рыжова. Бюрократические ритуалы «развития» России: возможна ли интерпретация скрытых смыслов? // Обратная связь: книга для чтения. Сборник статей и эссе к 60-летию Михаила Рожанского. СПб.; Иркутск: Норма, Центр независимых социальных исследований и образования, 2014. С. 263—264, 267.

будем договариваться...» (АОСПИ. Интервью Х.Х. (сотрудник районной администрации). 2014).

Замкнутая вертикаль власти — «вещь в себе»: чем выше, тем более она закрыта и менее договороспособна. «Половина тех, которые на краевых, на областных уровнях работают... депутатов — они вообще не представляют, чем народ живёт... Федеральный уровень — это вообще отдельная тема. Они приезжают иногда. Начинают вопросы задавать. Я даже с ними... не пытаюсь спорить, что-то им доказывать» (АОСПИ. Интервью Х.Х.). Так, абсолютное большинство районных предпринимателей в Хабаровском крае считало государственную поддержку малоэффективной из-за слабой информированности чиновников о реальных потребностях бизнеса и непонимании ими местной специфики ⁶.

Отлаженные бюрократические, управленческие процедуры зачастую не предполагали обратной связи. «Было совещание и — ничего... Ничего из предложений не вошло, ничего не было реализовано. Наверху не хотят связываться с мелкими хозяйствами...» (АОСПИ. Интервью с У. (м., фермер, ок. 65 лет). Сахалинская область, с. Ольховка. 2013. 18 июля).

Локальный подход к решению задач (самостоятельно строить 10-тонное овощехранилище вместо абсурдного в местных условиях, но финансируемого по госпрограмме из федерального/регионального бюджета 500-тонного) оказывается более адекватным в сравнении с идеями «высокой» модернизационной политики, не учитывающей «практическое» знание. «Государственная социальная инженерия, — писал Джеймс Скотт, — врожденно авторитарна», а «разработанный и спланированный социальный порядок схематичен — он всегда игнорирует существенные черты любой реальности, любого функционирующего социального порядка», что и ведёт, в конечном счёте, к провалу самого проекта ⁷.

Таким образом, мы видим, что причина неравномерности фактических результатов модернизации обнаруживается не только в экономической плоскости, но и в гуманитарной. На первый план выходит проблема понимания и совпадения/несовпадения базовых представлений об общем благе, путей его достижения у «реформаторов» и «реформируемых» и в целом их ценностных установок. «Государство ожидает, пытаясь сейчас завлечь... опять идёт по команде сверху у нас... Кампанейщину любую

⁶ Малое и среднее предпринимательство в регионе: социологическое измерение. Хабаровск: ДВАГС, 2011. 202 с. С. 65.

⁷ Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2011. С. 23, 153.

можем устроить...» (АОСПИ. Интервью Х.Х. 2014 г.); «мы как заложники. И в неведении живу... Мы не знаем, может, нас запланировали на вахтовый метод. Какие у государства планы на нас?» (АОСПИ. Интервью с К. Сахалинская область, г. Углегорск. 2013. 16 июля).

На протяжении всего поздне- и постсоветского времени отношение дальневосточников к «вызовам» центральной власти испытывало влияние ряда устойчивых мифологем. В их числе и представление о «богатом регионе», блага которого до жителей не доходят⁸. Главы краёв и областей, номенклатура воспринимались как соучастники политики центра в колониальном использовании природных и людских ресурсов, только отрабатывающие предоставленные привилегии, отдавая территорию на откуп министерствам и ведомствам (Государственный архив Приморского края. Ф. П—68. Оп. 117. Д.1025. Л.88). Сегодня к ним добавились государственные корпорации и крупные экономические субъекты с пропиской в Москве и за рубежом.

Вертикально ориентированные, они не встроены в локальное социальное пространство, а их активная хозяйственная деятельность и программы модернизации нередко вызывают отторжение со стороны сообщества, доходя до открытого коллективного протеста. Обсуждение экономической целесообразности конкретных проектов трансформируется подчас в постановку вопроса о гарантиях соблюдения прав граждан, о доверии власти вообще. Острая ситуация была в 2013—2014 гг. в Славянке, когда жители, объединившись, выступили против строительства угольного терминала в центре посёлка.

Квинтэссенцией отношения населения к федеральной власти может служить его реакция на предвыборный слоган губернатора Приморского края С.М. Дарькина «Нам здесь жить!», на который жители всей системе в его лице до сих пор отвечают: «А нам-то как тут жить? А мы-то за что? Нам-то куда уезжать?..» (АОСПИ. Интервью с И. Приморский край, г. Дальнегорск. 2013. 6 июля). Сегодня та же оппозиция «центр-периферия» отражается в сознании жителей уже сельской глубинки, которые с обидой говорят о своей «ущербности» в сравнении с положением в городах — «точках роста», на которых сосредоточило своё внимание государство. «Субсидии... не выплачивают: денег нет, саммит надо делать... Всё бросили на город, на мосты. Я не против города, но...» (АОСПИ. Интервью с Т., Приморский край, с. Шмаковка. 2012).

⁸ Бляхер Л.Е. Государство и несистемные сети желтороссии, или заполнение «пустого пространства». URL: http://www.dv-reklama.ru/ftp/2011/blyaher_ocherki.pdf (дата обращения: 1.08.2015).

Государство в попытке «преодолеть», модернизировать территорию под цели управления, пишет С. Кордонский, сталкивается с существующим здесь физическим пространством «на самом деле», в котором жизнь организована согласно «человеческим» представлениям⁹. Оптимальная роль государства виделась нашим собеседникам-предпринимателям в том, чтобы на уровне законодательства приблизиться («дать удочку») к человеку, «больше давать свободы... чтобы было... больше возможностей, а не запретов» (АОСПИ. Интервью с Л. Сахалинская область, г. Шахтерск. 2013. 16 июля).

Для части предпринимательского сообщества было типично желание выйти из-под ока государства, сделаться для него «невидимым». Вторжение носителей государственного суверенитета («карающих органов»: чиновников, налоговых и силовых служб) в сферу частного опиралось во многом на структурное насилие¹⁰. Не располагая необходимым для проведения реальных реформ доверием населения, действуя в условиях усечённой публичности, власть, таким образом, выступала для значительной его части легальным, но нелегитимным субъектом изменений.

Подводя итоги, можно увидеть, что воплощённые в модернизационной повестке власти стратегические проекты на уровне конечного потребителя «благ» — жителей сельской и городской глубинки — воспринимались зачастую как «непрочитываемая» попытка нарушения отлаженного социального порядка. Ответом на «вызовы» в условиях высокого институционального недоверия было и коллективное сопротивление изменениям, и рациональное использование спускаемых по вертикали схем в своих сугубо практических интересах и задачах, и политическая и экономическая самоизоляция с выходом из полного рисков и издержек поля официальных коммуникаций.

⁹ Кордонский С.Г. Россия. Поместная Федерация. М.: Европа, 2010. 312 с. С. 21—22.

¹⁰ Алексеенкова Е.С., Сергеев В.М. Темный колодец власти (о границе между частной сферой государства и частной сферой личности). С. 159—160. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Alekseenkova_2008_3.pdf (дата обращения: 2.03.2015).

Трансформация идеологии управления в России (от советской к современной модели)

Андрей Владимирович ПОПОВКИН,
к.ф.н., зав. кафедрой философии
ИИАЭ ДВО РАН

Термин «идеология управления» хотя и довольно распространён, не является устоявшимся научным понятием, следовательно, нам прежде всего надо определить предметное поле, о котором пойдёт речь. Итак, будем понимать под идеологией чего-либо декларируемые и реализуемые ценности в совокупности со способами их осуществления. В этом смысле понятно, что формирование идеологии является результатом осознания указанных ценностей, а также проблем в их осуществлении, требующих применения определённых способов, причём таких которые соответствовали бы принятым ценностям. Теперь нам нужно понять вокруг чего, какой проблемы строится идеология управления? Или, говоря в терминологии А. Тойнби, на какие вызовы призвана отвечать идеология управления? Предлагаемая гипотеза состоит в том, что идеологический «вызов» власти — это проблема гуманизма. А именно, принципиальная двойственность власти: с одной стороны, её предназначение — заботиться о людях, т.е. люди — цель, но с другой — власть использует их как средство в заботе о них же. В сущности, всякая идеология власти есть оправдание этой двойственности. И это оправдание ищется, соответственно, либо в природе человека, либо в природе самой власти (например, сакрализация власти монарха и т.п.). Соответственно, идеология должна решать две задачи: 1) формулировать определённое видение природы человека (т.к. человек имеет свою природу, управление должно исходить из неё и/или способствовать её реализации); 2) формулировать понимание природы власти, находить основания власти человека над другим человеком и обществом. Иными словами, власть нуждается в легитимации (легитимность от слова *lex* — «закон»). Легитимность по своей сути есть нормативность, принятая обществом. Таким образом, власть по самой своей природе нормативна, что, в числе прочего, означает, что она имеет этическую природу. Власть не может опираться лишь на силу (это как раз кризис власти). Такое положение вещей неизбежно ставит перед политиком и чиновником вопрос о нормативности, в том числе (а может, и в первую очередь) о нормативности нравственной. Согласно идеям русского философа С.Н. Трубецкого, нормативность, выступающая основанием власти, должна иметь соборную природу, т.е. быть укоренена в истории народа и его текущей социальной жизни. Таким

образом, ясно, что нравственное обоснование власти необходимо как с прагматической точки зрения (в противном случае власть утрачивает своё основание в глазах общества, что создаёт революционную ситуацию), так и с сущностной (как было уже показано, власть по сути своей нормативна). Теперь мы можем обозначить проблемное поле трансформации идеологии управления от советского периода к современности.

Итак, мы исходим из того, что идеологический «вызов» власти — это проблема гуманизма. Рассмотрим советский ответ на этот вызов. В СССР, по сути, сосуществовало два ответа: «праволиберальный» (на первом месте понятие справедливости, см Дж. Ролз) и социалистический (доминирование общественного над личным, но общество в свою очередь ставило целью человека, его потребности). Проясним немного понимание либерализма. И правые, и левые либералы ставят превыше всего права и свободы индивида. Но правый либерализм исходит из того, что свободу и права можно обеспечить только в рамках справедливого общественного устройства — т.е. необходим социальный консенсус. Сторонники левого считают, что свободное осуществление себя, в том числе экономическое, и есть высшая цель и самое суть справедливости. С точки зрения левого либерализма (либертарианства), сколько благ у тебя есть, что ты сумел приобрести, тем и распоряжаешься, независимо от состояния всех остальных людей. Исходя из этого, сущностные причины перестройки состояли в том, что государство, заявив цель и ценность справедливого распределения благ в обществе, не смогло выполнить эту задачу, утратив тем самым доверие в глазах общества. В результате доведённый до крайности в общественном сознании праволиберальный гуманизм (справедливость для каждого) способствовал разрушению структур, ритуалов и норм госвласти (в процессе перестройки возникли сильные антиноменклатурные настроения) и вывел на арену либертарианский гуманизм с его приматом ценностей потребления, успеха и эффективности (см. произведения Айн Рэнд). Постперестроечные процессы породили идею «безидеологической» власти, для которой единственной нормативностью выступают польза, выгода (в т.ч. личная). Это понималось как естественное состояние человека. По сути, под прагматизмом понимался левый либерализм! Квинтэссенцией этих процессов стал культ эффективности с его главным героем «эффективным менеджером». В 1990-е гг. сама по себе социальная нормативность была поставлена под вопрос. Состояние общества большинством экспертов характеризуется как аномия. В результате основные деятельные носители социальных норм — среднее поколение — оказались выбиты из колеи, следствием чего стал приход к власти большого числа молодых людей.

Этот аспект революционных процессов (а перестройка, по сути, в 1990-е гг. уже была антикоммунистической революцией) был подмечен И. Роднянской в статье «Педократия как отрицательная духовная величина (в прошлом и настоящем)» [педократия от греч. *пайдос* — «ребёнок» и *кратос* — «власть»]. Современное положение дел в российской власти — культ и засилье «молодых эффективных менеджеров», — в сущности, является одним из вариантов педократии. Да, эти менеджеры часто умны и хорошо образованы. Но возрастные особенности от этого не меняются: их максимализм, неготовность к медленной поступательной работе, непонимание конкретных особенностей общества и людей (вытекающих из истории и т.п., см. у Трубецкого), которыми они поставлены руководить — всё это проявляется достаточно часто и особенно заметно для старшего поколения, ещё помнящего советскую геронтократию.

Прوماхи молодых управленцев достаточно широко обсуждаются в современном российском обществе, поскольку часто задевают «общественный нерв». Дело в том, что педократия по своей сути внеисторична, а следовательно, не имеет опоры в нормативности, укоренённой в обществе и его истории. В итоге легитимность такой власти оказывается под вопросом. Таким образом, первый критический момент, архетипический современной российской власти, состоит в том, что у неё есть цели, есть видение путей их достижения, но нет консенсуса с обществом в оценке этих целей и приемлемости путей и решений. Второй критический вызов — бюрократизация как дегуманизация *per se*. Сразу отметим, что бюрократия — скелет государства, она возникает одновременно с ним. Она, с одной стороны, направлена на благо общества — упорядочение его жизни, — но риск (или, по Ясперсу, демонизм) бюрократии в том, что она стремится использовать людей и общество как средство для своего функционирования. Перед современной управленческой системой вызов гуманизма стоит с новой остротой. Компьютерные технологии, внедрённые в бюрократический процесс (см. Ясперс о связи техники и бюрократии), породили небывалые по силе эффекты дегуманизации власти, от которых в первую очередь страдают представители самой власти. Раньше был естественный стопор для бюрократии: ограниченное число печатных машинок. Но теперь, благодаря компьютеру и принтеру, естественного бюрократического ограничителя нет. Оба указанных вызова для российской власти достаточно ясно осознаются в качестве проблемы всё бóльшим числом людей нашего общества, такая ситуация способна привести к системному кризису вследствие утраты легитимности власти. Однако, говоря о проблемах идеологии управления, пожалуй, стоит предложить и некий путь их решения. В условиях прямого конституционного запрета на государственную идеологию её функцию в

сфере управления (и не только) может взять на себя классическая идея гуманизма. Классическая прежде всего в том отношении, что она будет отличать человека в его фактической наличности от человека в его подлинном предназначении (см. В. Йегер «Пайдейя», Б. Паскаль «Мысли» и т.д.). Иными словами, гуманизм, дающий право на власть должен исходить из реальности нравственных норм, как для человека, так и для общества и государства.

Это легитимирует власть как прагматически, так и по сущности. Ведь одна из основных проблем идеологии современного управления в России — чрезмерный утилитаризм. Политики и чиновники ищут и заимствуют разные формы и стили управления, но все эти заимствования сугубо утилитарны — они оцениваются лишь с точки зрения эффективности достижения поставленной цели, при этом не ставится вопрос о самой цели. Иными словами, наши современные власти слишком часто забывают, что человек не только средство, но прежде всего — цель.

Институциональная матрица России и неформальные управленческие практики

Светлана Геннадьевна КОВАЛЕНКО,
с.н.с. отдела социально-политических
исследований ИИАЭ ДВО РАН

Наш проект заставил задуматься, почему в России, несмотря на большие перемены (например, в политическом строе), многое остаётся неизменным? Почему общество наступает на одни и те же грабли? Наш проект позволил найти ответы на эти вопросы. Мы убедились, что существует некое поле: независимо от строя в России, все трансформации будут происходить в определённом поле. По теории Кирдиной, в мире при всём разнообразии существует всего две институциональные матрицы, две устойчивые структуры институтов.

X- и Y-матрицы различаются содержанием образующих их институтов, т.е. способами социальной интеграции в основных общественных сферах. Обе они задают различное устройство общественного бытия, представляют собой два альтернативных типа «универсального консенсуса» (выражение О. Конта), в которых обнаруживает себя интегрированная социальная жизнь.

Институциональное ядро Y-матриц (западных) составляют следующие институты:

- в экономической сфере — институты рынка, или обмена;
- в политической сфере — федеративные начала государственного устройства, или институты федерации в широком смысле слова;
- в идеологической сфере — доминирование индивидуальных, личностных ценностей, приоритет «Я» над «Мы», или субсидиарность, а значит — примат личности, её прав и свобод по отношению к ценностям сообществ более высокого уровня, имеющим дополнительный (субсидиарный) характер по отношению к личностным ценностям.

Общественное устройство США и большинства стран Европы характеризуется Y-матрицей.

Институциональное ядро X-матриц (восточных) образуют иные базовые институты:

- в экономической сфере — институты нерыночной экономики (редистрибутивной, по К. Поланьи; раздаточной, по О. Бессоновой; централизованно управляемой, по В. Ойкену);

- в политической сфере — институты унитарно-централизованного государственного устройства;
- в идеологической сфере — доминирование коллективных, надличностных ценностей, приоритет «Мы» над «Я» (то, что в русском языке вкладывается в понятие «соборность», а в мировой научной литературе обозначается термином «коммунитарность»).

X-матрица характерна для России, Египта, Китая, ряда других стран Азии и Латинской Америки.

Таким образом, переживём мы ещё не одну перестройку или наши потомки — очередные трансформации, — все изменения будут происходить в этом поле. Почему наша матрица такая — это другой вопрос. Но она есть и останется неизменной.

В этой матрице происходит трансформация управленческих практик. Рассмотрим эти процессы подробнее.

Термин «эксполярность» впервые был применён Теодором Шаниним, одним из ведущих российских исследователей. Эксполярность — это надполюсность, т.е. действие, изначально ориентированное не на законность, а на достижение результата. Вначале термин касался в основном экономических практик в управлении.

Любая практика управления в СССР тяготела к эксполярности. Такие практики находятся вне полюсов закона и направлены на выживание в системе отношений. Они затрагивают не только отдельных людей, но и любого индивида хозяйственной деятельности, начиная от производственной бригады и заканчивая министерствами. Приведём один из примеров советской эксполярной управленческой практики. В газете «Известия» (5 августа 1959 г.) статья «Премия? Нет взятка» сообщала о незаконном получении премий работниками «Дальзавода» непосредственно с заказчиков, минуя бухгалтерию. Созданная комиссия совнархоза с участием работников органов народного контроля подтвердила достоверность всех фактов. Совнархоз отстранил директора А.В. Лаврова от занимаемой должности, т.к. «он знал и не принимал мер — на заводе продолжали антигосударственную практику». Умалчивалось только о том, что подобные случаи были распространены повсеместно. В такой ситуации каждый получал то, на что рассчитывал. Заказчикам не нужно было стоять годами в очереди, ожидая выполнения заказа. Рабочие имели стабильный дополнительный доход, директор не хотел рушить эту систему и терять заказчиков. Если бы не «сигнал» в соответствующие инстанции, всё бы

осталось как прежде. Парадоксальным образом такая ситуация не вредила ни производству, ни рабочим, ни советской экономической системе в той части, где дело касалось только экономических отношений.

Много подобных примеров существовало и в сельском хозяйстве. Один из самых распространённых — это вывод земель в залежь. Идея заключалась в том, что колхозы и совхозы по одной графе распахивали земли, а по другой — выводили их в залежь. Т.е. можно было распахать в один год 50 га, а в залежь вывести 100.

Во времена перестройки все эти практики набирали обороты, чему способствовала новая законодательная база. Сейчас уже многие забыли, когда критика власти перешла в изменение условий жизни общества. Это произошло в 1987 г., когда был принят «Закон о государственном предприятии».

Кооперативы становились для руководителей государственных предприятий источником получения доходов, причём в первую очередь личных. Если человек хочет обогатиться и государство даёт ему такую возможность, то он и будет этим заниматься. По состоянию на 1 апреля 1989 г. в Приморском крае действовало 617 кооперативов с численностью рабочих 12 тыс. чел. Однако населению было оказано услуг, создано и продано товаров на сумму не более 10 млн руб., или только 30% от общего объёма выручки от реализованной продукции, работ и услуг.

Практически все из наших респондентов отмечали: «...если я буду руководствоваться законом, я никогда не смогу эффективно функционировать как управленец. Я обязан достигать цели». Один из интервьюированных спросил: «...Вы знаете, как в советское время расшифровывалось ОБХСС?» — и пояснил: «один будешь хапать, скоро сядешь».

Дискуссия

В.Л. Ларин. В докладе С.Г.Коваленко прозвучала хорошая фраза — «один будешь хапать — скоро сядешь». Последний пример был на Сахалине. Хочется сразу задать вопрос. В западной матрице регулятором является закон, а в восточной, к которой принадлежит Россия, что является регулятором?

С.Г. Коваленко. Думаю, политическая воля.

В.Л. Ларин. В Китае существует слово «гуанси» — «связи». Это проистекает из конфуцианства. Если посмотреть на современный Китай, в нём очень сильны клановые связи. Что Вы думаете по этому поводу?

С.Г. Коваленко. Да, Вы правы, Виктор Лаврентьевич, в России они тоже очень значимы.

А.Г. Юртаев (*депутат Думы г. Владивостока*). Я здесь — единственный представитель городской думы, хотя, насколько я информирован, приглашены были многие. Этот факт и есть отношение к понятию социальной ответственности. Материал, представленный в выступлениях, хотя и был подан научным языком, но кажется мне очень полезным и значимым. Есть такие явления, события, которые я бы хотел изучить более глубоко. Не зря в ответе на вопрос В.Л. Ларина прозвучало, что для понимания поставленной проблемы и её устранения необходима политическая воля. Перестройка началась благодаря политической воле М.С. Горбачёва, и она (перестройка) была необходима стране. Но всё пошло совсем не по той траектории, которую ожидали. Таким примером может служить принятие закона о развитии местного самоуправления. На мой взгляд, произошла диверсификация власти: она сосредоточилась в районах, где приняли 154 закон о развитии местного самоуправления. Т.е. пирамида власти строилась снизу вверх, а не наоборот, это было новое явление для России.

Разделяю точку зрения первого докладчика о концепции социальной ответственности власти. Руководитель любого уровня обязан брать на себя ответственность, как в советское время. Тогда была кадровая школа, во время перестройки её не стало. Поэтому во власть пришли Шариковы. Да, есть чиновники высокого уровня, а есть чинуши, непонятно откуда взявшиеся. Но чтобы их меньше стало, нужна «школа» и для граждан, которые в своей повседневной жизни обращаются к власти, т.е. к отдельным чиновникам. Такой школой для граждан, на мой взгляд, должны стать ТОСы (Территориальное общественное самоуправление). Согласно статье 27

Федерального закона РФ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», ТОС — это самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории поселения для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения. Такой опыт был и в России, и в Европе. Число ТОСов в некоторых городах достигало 100—200. Сейчас эта форма самоорганизации власти блокируется. Возможности, которые давала перестройка, не были реализованы. Одной из причин этого стал приход во власть с помощью демократических процедур случайных людей. Мы живём в эпоху, когда исполнительная власть избирается, но не подотчётна ни верхним эшелонам власти, ни тем, кто её избирает. В советское время существовала ответственность власти. Исполнительная власть была подотчётна. Путин понимает этот аспект в системе власти.

Актуальность проблемы повышения социальной ответственности власти сегодня не только не утратила своего значения, а, напротив, возросла. Многие сейчас приходят во власть для решения своих личных проблем. Считаю, что исполнительная власть должна назначаться и губернатор тоже. Что касается депутатского корпуса, тут должна быть совсем другая схема.

ТОСы — это первая ступень в избирательном процессе. Их организация совпадает с избирательными округами. «Нашли лидера», который пользуется авторитетом у граждан: вот вам кандидат в депутаты. Уже во власть не пролезет ни криминал, ни на голову больной. Мы с вами знаем, что такие случаи были. Далее — районный уровень; и так до федерального. Многим аппаратчикам во властных структурах ТОСы не выгодны. Видимо, понимают, что люди, прошедшие через такую форму организации управления, могут составить им конкуренцию. ТОСы способствуют укреплению связи общества и власти и могут способствовать формированию гражданского общества.

В.Л. Ларин. Я вспоминаю, как мы проводили опрос общественного мнения. Один из вопросов был: «В каких общественных структурах вы принимаете участие?». Вариант ответа «ТОСы» выбрали не более 10—11% респондентов. Т.е. эта форма практически в регионе не развита. В чём Вы идите причины такого низкого показателя?

А.Г. Юртаев. Да, не развита. Как создавались первые ТОСы? Я был работником администрации Первомайского района, когда мне предложили создать на [улице] Тихой ТОС. Я собрал в кинотеатре «Союз» около ста человек, которые согласились это сделать. Но сейчас власть категорически

против ТОСов: в закон о них внесены такие поправки, что населению очень тяжело их организовать.

В.Л. Ларин. Поднята тема взаимопонимания власти и общества. Коллеги, прошу высказать ваши мнения по этому поводу.

А.С. Ващук. Если мы активны, то можем влиять на управляющие компании. Может этого бояться работники управляющих компаний? Есть ли противоречия между ТОСами и управляющими компаниями?

А.Г. Юртаев. Ангелина Сергеевна, конечно, конфликт интересов между управляющими компаниями и ТОСами в сфере управления жилищно-коммунальным хозяйством возможен. Но ТОСы и управляющие компании могут и взаимодействовать. Более того, я готовлю для Пушкарёва письмо с предложением, чтобы финансы сначала шли на уровень ТОСа, где бы их распределяли на культуру, спорт и т.д., — на то, что действительно нужно населению. Тогда никто не сможет ничего навязать, люди сами будут решать, что им нужно, а что — нет.

Организация ТОСов задача очень объёмная, они объединяют многие функции, родительские комитеты, спортивные мероприятия и т.д. Сейчас я готовлю письмо В.В. Путину о том, что реформа ЖКХ не нужна. Нужна нормальная система ЖЭУ, как при Советах.

А.В. Поповкин. Я хотел бы затронуть вопрос о выборе пути России при организации государственной службы. На мой взгляд, клановые отношения во власти имеют место во всём мире — как на Западе, так и на Востоке. И мудрость китайцев проявилась как раз в кодификации этих клановых отношений. Запад упорно, но не слишком успешно, пытается их изжить с помощью демократических и юридических процедур. А вот Россия, кажется, всё никак не может определиться, по какому пути идти.

В вопросе развития местного самоуправления, я вижу одну проблему. Дело в том, что оно требует навыка и стремления людей делать общее дело. Такой навык был у советских людей, говорю это как человек, который прошёл советскую школу, был и пионером, и комсоргом. Но вслед за мной идёт поколение, воспитанное и сформированное в эпоху 90-х, воспитанное на неолиберальных ценностях типа «бери от жизни все».

Не сталкивались ли вы с сопротивлением ТОСам снизу, основанном на нежелании этого поколения делать что-то для кого-то, а не для себя лично? Один пример. Я хожу домой через улицу Каштановую, у многих там печное отопление, но каждый посыпает дорожку только перед своим домом. ТОС — это трата личного времени на общее дело. Пойдут ли на это люди? Может,

требуется какая-то дополнительная идеологическая или воспитательная работа?

А.Г. Юртаев. Я вам скажу следующее. ТОС подразумевает включение интересов людей разных возрастных категорий. На Тихой в совете микрорайона есть люди 1980-го г.р. Поэтому я не вижу в этом проблемы. Если люди видят реальную цель, то они участвуют. Например, День рождения Тихой готовят все.

С.Г. Коваленко. Александр Григорьевич, вы говорите «создать ТОС»: согласно матрице, о которой я говорила, это всё равно делается сверху. Вначале государство и лидер дают такую возможность. Это очень нужно и важно. Но получается, снизу никогда никакой ТОС создан не будет.

А.Г. Юртаев. Я скажу вам честно. Если мы хотим создать гражданское общество, нужно хотя бы «вскопать землю». Власть должна создавать условия и для бизнеса, и для гражданского общества. Сейчас власть видит в ТОСах врага: это ведь инкубатор для общественных лидеров.

С.А. Власов (*к.и.н., с.н.с. Отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН*). Очень важную роль в российской истории играет личностный фактор. Все мы знаем, что первая попытка перестройки принадлежит Ю.В. Андропову. Если бы ему хватило здоровья, то перестройка могла бы иметь совсем другие результаты. Другой пример. От многих губернаторов Приморья мы нахлебались очень сильно. Т.е. личностный фактор присутствует, многое решает первое лицо.

Э.В. Осипова (*к.и.н., н.с. Центра истории культуры и межкультурных коммуникаций ИИАЭ ДВО РАН*). Я хочу апеллировать к Анастасии Петровне и Ангелине Сергеевне. Оба докладчика говорили об ответственности власти. Но чувствуют ли ваши респонденты собственную ответственность перед своей страной? Ведь и от нас с вами очень многое зависит.

А.С. Ващук. Благодарю Вас, Эрика, за вопрос. По данным нашего опроса, люди всё-таки видят свою социальную ответственность. В интервью это тоже прослеживается. Иногда ответственность связывается с патернализмом. Это «остатки» советской эпохи и скорее всего эта особенность будет очень долго бытовать. Можно привести несколько примеров, остановлюсь на случае Спасского района.

Например, почти все трудоспособные мужчины с Зеленодольское оказались на заработках. Несмотря на это, женщины своими силами построили площадку. Когда глава Чкаловского района дал разрешение на продажу здания универмага, жители устроили своеобразный бунт: они не

могли понять, зачем разрушать то, что уже создано и требовали, что сохранить здание. Глава района говорит: «У меня нет денег это содержать». Это уже можно назвать диалогом. Зачатки формирования социальной ответственности у граждан можно проследить и в других населенных пунктах, в Славянке (Хасанский район), и Алексее-Никольском (Уссурийский район) и др. Но есть и противоположные примеры, в частности случай Андреевки, Зарубино. Имеющиеся источники дают возможность оперировать пока на уровне примеров, статистическим показателем это пока выразить не возможно.

А.Г. Юртаев. Позволю добавить несколько слов по данному вопросу. Да, глава района говорит, что у него нет денег. А почему денег нет — мало налогов. Почему мало налогов — нет мелкого бизнеса. А его почему нет — не создали условий. Один из примеров из приморской деструктивной практики. Став в 2004 г. мэром Владивостока, Николаев поднял арендную плату в 12—19 раз. 1700 предпринимателей ушли с рынка. Это криминальная схема, целью которой было создать свой капитал, раздав своим людям освобождённые площади.

А.П. Коняхина. Позвольте несколько слов сказать об ответственности. Есть такой «феномен безбилетника»: человек полагается на то, что за него уже сделали другие. Как нам в интервью говорили: «...нужны люди, которые будут власть покусывать». Но сами респонденты не очень готовы принимать участие в каких-то делах. Скорее, их ответственность распространяется на обустройство того физического пространства, которое они способны охватить. Было большое государство и исчезло. Поэтому они отвечают только за то место, где непосредственно живут. Человеку, который делает своё дело, — предпринимателю или фермеру — не нужно заниматься политикой.

Во многом власть, как сказал Сергей Александрович, действительно зависит от персоналий. Большинство руководителей, с которыми мы хотели встретиться, так и не нашли для этого времени, т.к. изначально не были готовы услышать наши вопросы и мнение людей, живущих на данной территории, о них. А другие — наоборот: «Делай что должно, и пусть будет что будет». Они прожили долго на территории, за которую отвечают, и они знают, как сделать лучше. Какие-то инструкции сверху им, по сути, не очень-то и нужны.

В.Л. Ларин. Анастасия Петровна, вы сказали: «...они знают». А они действительно знают или думают, что знают?

А.П. Коняхина. Это очень легко выяснить. Например, мы приехали на Сахалин и застали в чистом виде протестные выборы. Местные угольные компании, которым нужен был свой человек на этом месте, активно продвигали такую фигуру. Население настолько было возмущено этим, что всё провалилось. Пришёл на должность нормальный человек, преподаватель Сахалинского университета, который спрашивал у населения: «Что вам конкретно нужно?». Конечно, он будет знать, как и что делать, при таком подходе.

Е.Н. Чернолуцкая (д.и.н., в.н.с. *Отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН*). Мы сравниваем советскую систему управления и современную. В советское время готовили управленцев, была кадровая политика. А есть ли сейчас такая система подготовки?

В.А. Тураев (вед.н.с., к.и.н *Отдела этнографии, этнологии и антропологии ИИАЭ ДВО РАН*). Есть академия государственной службы.

С.Г. Коваленко. Да, есть академия государственной службы, но она готовит только кадровый резерв. А будет ли этот человек непосредственно в системе власти, зависит совершенно от других причин.

А.Ю. Капинус (ст. преподаватель кафедры ГМУ ШЭМ ДВФУ). По поводу подготовки кадров. Принципы и методы, на основе которых формировалась номенклатура, использовал Линден Джонсон — президент США. У нас брал опыт формирования кадров. Я согласен, что эта система работала. Опираюсь на опыт включенного внимания. Например, еще в период советской эпохи, попал в самолёт, в котором летели капитаны судов в Москву на собеседование и утверждение в номенклатуру ЦК КПСС. Сейчас готовят резерв, но конкурс во многом формален.

В то же время есть чему поучиться и у японцев и у американцев.

Если говорить про X-матрицу — это правовое регулирование, если про Y — коллективизм с нравственным регулированием. Что является основой нравственного регулирования? Важную роль в духовном развитии может сыграть церковь и ее социальная база. Известен такой факт: отец Иоанн Крестьянкин — самый известный старец на Руси, только со второго раза принял В.В. Путина. Мне кажется: президент осознал, что совесть является ключом нравственного регулирования. Кто в нашей стране кроме церкви занимается нравственным регулированием? Учительство, но в какой-то мере. Этот элемент — совесть — и есть наше объединяющее начало. Что заставляет людей искать детей через интернет?

Мы так можем поднять наше государство, если и власть (в том числе госслужба), и все слои общества общества будут по максимуму проявлять ответственность. Ответственность и совесть должны стать основой всего. Про ТОСы то же самое можно сказать: есть у лидера совесть — мы за ним идём. Лучше всего ТОСы были развиты в Спасском районе и Уссурийске. Там район возглавляла Жанна Александровна Саксина. Вот она опиралась на ТОСы: там были старший по улице, старший по микрорайону и т.д. Эти организации тогда даже ТОСами не назывались, но работали. Если партии наши поймут, что нужно бороться за ТОСы, тогда и дело пойдёт. Наш город разобщён, объединиться он может через ТОСы. В интернете этот процесс уже запущен.

Сейчас уже идёт разговор о том, что во всех детских садах необходимо ставить видеорекамеры. Но это очень дорого. А если мы будем работать с совестью, тогда добьёмся ответственности без материальных затрат. Я мечтаю дожить до того момента, когда у каждого дома будет сайт.

Л.А. Крушанова (с.н.с., к.и.н. отдела Социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН). Продолжая тему социальной ответственности власти, хотелось бы остановиться на местных реалиях. Мы достаточно много ездили по югу Дальнего Востока. Произвела впечатление на нас социальная ответственность многих представителей власти в Свободненском районе Амурской области, где ведётся строительство космодрома. Углегорск тратит деньги на будущее. Строил инфраструктуру. С космодромом связывали будущее. Заместитель главы Свободненского района рассказала нам о своём видении того, какой должна быть администрация, учитывая специфику работы в таких районах. А специфика состоит в умении отвечать все обращения и знать чем живет твое поселение, район. К ней домой приходят родители по большим и малым проблемам. Она помогает организовывать потерявшегося ребёнка и даже коров.

С.Г. Коваленко. Хочу поддержать Л.А. Крушанову. Речь идёт о том, что наше общество, согласно нашей матрице, ждёт личного участия власти и внимания чиновников к собственным проблемам. Я понимаю, что глава администрации не должна этим заниматься, но от неё этого ждут.

Ю.Н. Ковалевская (с.н.с., к.и.н. отдела Социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН). Я не вижу тут вообще ничего неправильного в поведении представителя районной администрации. Вот японские пожарные кошек с деревьев снимают. Во всём мире так.

Л.А. Крушанова. Хотелось бы обратить внимание еще на один момент, связанный с практикой проведения административной реформы.

Реализация 131 закона о самоуправления выявляет еще одну проблему — не могут найти общего языка глава города и сити-менеджер. Фокино — яркий тому пример. Ещё неизвестно, как это будет во Владивостоке.

А.Т. Кузин (д.и.н., Сахалинский институт железнодорожного транспорта (СахИЖТ), филиал ДВГУПС, Южно-Сахалинск). В течение двух дней я был участником очень серьезной научно-практической дискуссии. Могу официально вам заявить, что на территории Сахалинской области такого разговора не было и пока не ожидается. Елена Николаевна сказала, что всё познаётся в сравнении. Я продолжу эту мысль. Чтобы власть работала эффективно, она должна правильно реагировать на критические замечания. В советское время на собраниях они высказывались, и был ответ. Сегодня есть обращения в прессу, но на них управленцы мало реагируют. Письма в 80% случаев просто теряются. Я, сколько ни обращался, ответа не получил: «Не поступило письмо пока».

Связь власти и народа. Раньше — плохо ли, хорошо ли — она работала. Съезд прошёл — ваши отклики. Собираем отклики, отправляем в ЦК. В печати одновременно их помещаем. Сейчас этого нет. Возьмём выборы — всенародное голосование. Но как можно говорить «всенародные», когда выборы состоятся, если хоть один человек проголосует. Канал связи с народом потерян. По 50 депутатов на одно место. Зачем? Явно лоббирование своих интересов.

Когда я работал в системе архивов, мне предложили изъять по акту всю документацию по баллотированию Ельцина на второй срок. Я пришёл в избирательную комиссию, мне сказали, что я опоздал. Они уничтожили все документы по приказу сверху. Как говорил тов. Сталин, не важно, как проголосуют, важно как подсчитают. Когда наступили 1990-е гг. всем говорили: вступайте в Единую Россию.

А.А. Тураев. Анатолий Тимофеевич, что удивляться. Есть поговорка: «Какую бы мы партию не создавали, у нас получается КПСС».

А.Т. Кузин. Как только закон приняли — сразу сотни поправок. Это делается сознательно, чтобы оставлять лазейки. Раньше было: 60 лет — уходи с должности. Сейчас увеличили возраст. Но наш депутат получает 300 тыс. в месяц. Не будет экономии бюджета, как нам об этом говорят. Выводы делайте сами, я поделился информацией местного уровня.

Корябкина Е.В. (доцент кафедры дополнительного образования ПКИРО). Виктор Лаврентьевич, я благодарю Вас за участие в вашем круглом столе. С вашим институтом в лице Андрея Владимировича Поповкина мы

сотрудничаем давно, приглашаем его выступать перед учителями. Мне кажется, что Анастасия Петровна и Андрей Владимирович упоминали о формализации процессов между властью и обществом. В образовании то же самое. Андрей Владимирович на одном из своих выступлений говорил о последней советской реформе в образовании — 1987 г. Тогда вообще каждая реформа сопровождалась конкретным управленческим действием. Например: меняем содержание образование — готовим учителя. Это была методически правильно выстроенная система. Причём учителя поддерживали финансово, когда он отправлялся на повышение квалификации. На протяжении последних десяти лет учителя повышают квалификацию за свой счёт. Им не оплачиваются командировочные расходы. В других регионах такого нет.

Если власть не попытается создать условия для значимых для общества фигур — учёных, учителей, врачей, — то и дальнейшем будут проблемы. Сегодня, к сожалению, во многих районах нет учителей по рисованию, музыке и т.д. Эти предметы ведутся математиками, физиками и др. в силу того, что нет финансирования. Эти проблемы необходимо решать. Очень важен в этой связи ваш круглый стол и диалог с властью.

В.Л. Ларин. Диалога с властью не получилось, к сожалению. Власть, за исключением одного депутата, проигнорировала это мероприятие. Видимо, они считают ниже своего достоинства здесь присутствовать.

Л.Е. Фетисова (*вед.н.с., к.филол.н., Центр истории культуры и межкультурных коммуникаций ИИАЭ ДВО РАН*). Я бы хотела вернуться к понятийному аппарату. Меня больше всего радует, что у историков победила в данном случае полевая работа и работа с человеком, а не с документами. Только так можно увидеть и понять какие-то закономерности.

Относительно терминологии. Власть и общество. Это устоявшаяся формулировка. Мы считаем, что общество у нас однородно. Мы забываем, что оно состоит из людей. Когда выражается протест, народ выступает единым фронтом. Но в других случаях общество не однородно: оно антиномично с давних пор. Если мы возьмём петровские реформы, то там — западники и славянофилы. Мы это не изжили до сих пор: не поиск приемлемого для всех решения, а по принципу — «кто не с нами, тот против нас». Это российская ментальность.

Нам на уровне высшей власти пытаются внедрить мифологемы о том, что мы всегда почитали высшую власть. Но достаточно посмотреть на русские сказки и былины, чтобы понять, что это не так. Возьмём, например, Владимира Красное Солнышко, который «по гридне столовой похаживает,

жёлтыми кудерками потряхивает» при встрече с Ильёй Муромцем. Отношение к власти было критическое.

Когда мы говорим об антиномии, то, я хочу напомнить, выступая за решение проблем, мы не всегда можем просчитать результат. Нам Говорухин показал страшный фильм и не один, все согласились, а теперь говорим: где Россия, которую мы потеряли? У Анастасии Петровны были цифры о людях, воспринимающих государство как гарант. Мы не можем проследить, как менялось это соотношение. Хотя оно действительно менялось, и доля людей, некритически воспринимающих власть, постоянно уменьшалась.

К 1980-м гг. все понимали: надо что-то менять. Но вот на уровне нашего института: мы на волне перемен выдвинули во власть Гаер и Силантьева. Они, конечно, не оправдали наших надежд, и это ещё мягко сказано. Люди другие не пошли во власть, т.к. они реализовали себя в науке и не хотели что-то менять.

По поводу лидеров и тех, кто за ними идёт. Лидеры не уживаются друг с другом.

В.А. Тураев. Гаер и ей подобные прошли во власть на волне протестного голосования.

Л.Е. Фетисова. Я и говорю, что люди, которые нами руководят — это не те люди, которых мы ожидали во власти, хотя сами их и выбрали, пускай даже на волне протеста.

Теперь ещё несколько слов о методологии. Вы не случайно пришли к дискуссии о споре по временным границам перестройки. Мне хотелось бы услышать, как вы понимаете термин «гражданское общество», т.к. гуманитарии и математики наполняют термины разным смыслом.

А.С. Ващук. Мы на этот вопрос пытались ответить на одном из заседаний общественной палаты Приморского края. Ваш тезис подтверждается: сколько было людей, столько и мнений. Но мы должны понимать, что термин «гражданское общество» зародился не в нашей научной и экспертной среде. Это чисто европейское понятие, основанное на частной собственности и демократических институтах. Это — классическое понимание гражданского общества в западном варианте, и оно разделяется рядом российских учёных. На бытовом уровне одни понимают его как свободу, другие — как участие в художественной самодеятельности и т.д.

В.Л. Ларин. Я вам могу предложить унифицированное понимание: все те сферы общественной жизни, которые не регулируются государством.

А.С. Ващук. Уважаемый Виктор Лавреньевич! Позвольте мне сделать небольшое дополнение. Когда я выступала с докладом, выпустила важнейший момент о том, что наше общество неоднородно. Я благодарна Андрею Владимировичу и Лидии Евгеньевне за то, что они затронули этот момент. Когда мы рассматриваем власть и общество, мы должны учитывать ту социальную структуру, которая есть сейчас. С какими социальными структурами власть считается? Я не совсем согласна с Анастасией Петровной, что фермеру политическая жизнь не нужна. Это дискуссионный момент. Сейчас есть доктрина — социально-ответственный бизнес. Некоторые из предпринимателей также прибегают к политическим ресурсам.

Почему мы используем термин «социальная ответственность власти»? Раньше мы говорили «социальная политика». Но сейчас официально зафиксировано, что социальная политика касается только малоимущих граждан. Власть же должна выстраивать отношения с разными социальными группами, олигархами, бюрократией и т.д. Есть социально-профессиональные группы, которые обделены вниманием. Учёные и учителя в их числе. Зарубежный ученый Н. Хомских об этом пишет, что, например, у преподавателей и в Англии нет инструментов защиты своих инструментов.

Ю.Н. Ковалевская. Есть у них инструменты защиты, Ангелина Сергеевна. Просто это очень накладно.

А.С. Ващук. В 1988 г., когда все говорили о победе демократии, я говорила об опасности наступления бюрократического взрыва в нашей стране и о том, что плодами перестройки может воспользоваться эта социальная группа. Сегодня, к сожалению, мой вывод оказался в числе актуальных.

В.Л. Ларин. Надо уже подводить итоги. У меня есть такое представление: концентрация плохих людей во власти больше, чем в любой другой сфере. Это власть портит людей или всё-таки больше плохих людей, чем хороших, стремится во власть? Предлагаю очень кратко высказать свою позицию.

А.С. Ващук. Ответ на данный вопрос частично дал ещё Питирим Сорокин. Он считал, что в системе выборов часто побеждает хитрый и хорошо приспособившийся. Современные реалии указывает еще на один фактор концентрации во власти определенного типа политиков: финансовые, а также административные ресурсы всегда используются в выборной гонке, поэтому здесь, должны быть задействованы как правовые нормы, так и нравственные регуляторы, должна быть информационная прозрачность политического капитала претендента. К сожалению, современные

политтехнологии в избирательной гонке ориентированы на победу своего кандидата любой ценой. Примеров таких очень много. Но другого механизма формирования представительной ветви власти, как выборы, общество еще не придумало, без них общественный мир был бы еще хуже.

А.В. Поповкин. Я думаю, что есть проблема и в том, как сама власть действует на человека, меняет его мировоззрение. Толкиен очень хорошо это описал это в книге «Властелин колец», когда Фродо, истомленный Кольцом, говорит, что уже не помнит ни вкуса воды, ни зелени травы... Человек, погруженный во власть, иной раз перестаёт замечать окружающий мир, точнее мир скукоживается для него до тех властных и административных отношений, в которые он непосредственно вовлечён. И конечно, такая «жертва власти» перестаёт видеть реальных людей, их переживания, эмоции и прочее. Это серьёзная проблема.

С.Г. Коваленко. Мне кажется, то, что мы называем плохим, власть называет абсолютным прагматизмом. Важно, куда он будет направлен: на решение своих личных проблем или общих наших.

Е.Н. Чернолуцкая. Как быть если к власти пришёл бессовестный человек? Структура власти должна работать вне зависимости от того, есть у человека, пришедшего к власти, совесть или нет. Сейчас у нас этого нет. Поэтому необходим общественный контроль, т.к. существующий механизм неэффективен.

А.Ю. Капинус. Матрицы нельзя абсолютизировать. Совершенствовать нужно всю систему власти. В.М. Шукшин сказал: «...восславим тех, кто перестал врать». Для власти очень актуально. Тогда постепенно будет движение вперёд.

В заключении были подведены итоги дискуссии.

1. Из выступлений экспертов и последующей затем дискуссии стало очевидным общее мнение: трансформация государственной службы, несмотря на прошедшие тридцать лет, не завершена окончательно. Идеология преобразований государственного строя в обстановке сложившейся политической конъюнктуры и формирования новых социальных страт привела ко многим непредвиденным реформаторами результатам, связанным с качеством работы государственной службы. Преобразования в этой сфере до сегодняшнего дня не дали того эффекта, который бы удовлетворил большинство населения края.

2. Однако к настоящему времени мы преодолели разобщённость 90-х гг. XX в. и общество находится на следующей стадии устройства внутригосударственной жизни. Сейчас и на уровне общества, и на уровне власти идёт поиск наиболее оптимальной структуры организации государственной службы и идеологии социальной ответственности. Но главная проблема заключается в том, что общество и власть остаются пока на стадии взаимных претензий. Сегодняшняя встреча и вообще инициативы представителей академической науки в какой-то мере направлены на поиски преодоления такой ситуации и получения взаимной объективной информации, что особенно актуально в условиях понижения финансовых и экономических возможностей выполнения государством социальных обязательств.

3. Федеральный и региональный уровень диалога власть—общество не всегда проходит в одном оценочном русле. Не раз в выступлениях звучала мысль о том, что реальная деятельность управленческих структур — основной критерий в оценке реформ. Общество, т.е. люди на самом локальном уровне, настроено на конкретные результаты. Делает власть шаг в виде какого-либо проекта — пусть скажет и докажет, что получается социальный результат не только на макро-, но и на микроуровне.

4. Встреча продемонстрировала, что формирование гражданского общества должно начинаться с тех форм устройства жизни, которые инициировали бы самоуправление с широким вовлечением всех слоёв населения, например ТОСов. В Приморском крае на уровне отдельных локальных сообществ имеются признаки социальной ответственности граждан. Просто системы выборов недостаточно для достижения этой цели. Общество в Приморском крае готово к диалогу с властью и это внушает определённый оптимизм.